

ISSN 0204-3432

ЖИВАЯ СТАРИНА

3 '2010

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

на две части. В первой рассматриваются предметные реалии в их внешних связях: функционирование предметов в реальном быту, их мифо-ритуальная семантика, если она есть, принципы трансформации семантики при включении предмета в поэтический мир сказки и т.д. Выводы, к которым приходит В.Е. Добровольская, имеют фундаментальный характер для изучения жанра. Они сводятся к следующему: «подавляющее большинство предметных реалий волшебной сказки суть обычные предметы крестьянского обихода: их чудесность обеспечена исключительно декларацией и констатацией таковой» (с. 199). Причину декларативности автор видит в специфике архаического мышления. Попутно делается интересное замечание, что по принципу декларативности народная волшебная сказка принципиально отличается от современной сказочной фантастики в жанре «фэнтези». Заметим, что данный признак отличает народную сказку и от близкого ей жанра — сказки лубочной, в которой заметна тенденция мотивировать чудесность.

Второй вывод: с волшебными предметами совершаются в сказке не «экзотические», а вполне заурядные действия, «таким образом, с эмоционально-художественной точки зрения цель сказки не в том, чтобы создать некий фантастический мир, отличный от мира своих слушателей, а в том, чтобы представить их собственный мир как полуфантастический...» (с. 200). Здесь В.Е. Добровольской удалось избежать часто встречающейся в настоящее время излишней мифологизации текста. Она объективна в оценке мифологической семантики предметных реалий в сказке. Неоднократно отмечается в книге, что даже мифологизированные в народном быту предметы, попадая в мир волшебной сказки, часто теряют мифологический смысл, превращаясь в предмет чудесный. Интересна здесь и установленная закономерность: выделенные группы предметов обнаруживают различные корни и различную степень мифологизации, причем наибольшую — «средства воздействия на внешний мир и на героя (кроме трансформаторов пространства)» — с. 198).

В этой части нам кажется лишь спорным толкование генезиса одной предметной реалии. В один ряд ставятся «платье (рубашка, крылышки)», в другой — «кожа». Первый ряд реалий возводится к свадебному обряду, где, по мнению В.Е. Добровольской, кража предмета, принадлежащего девушке, заменила кражу самой девушки. Нам представляется, что «крылышки» должны быть в одном ряду с «кожей»: и то, и другое в генезисе — одежда зоо-, орнитоморфной невесты

и восходит к тотемистическим представлениям, а *рубашка (платье)* — поздняя бытовая замена их.

Вторая часть книги посвящена исследованию семантической роли предметных реалий в сюжетно-композиционной структуре сказки. Здесь реалии рассматриваются по таким признакам, как локализованность реалии в сюжете, единичность (однократность употребления ее) или универсальность, объектность (пассивность) или субъектность, изначальность или вторичность в сюжетном действии и т.д. Характеристики реалий соотнесены затем в схемах-графиках.

Важным представляется общий вывод, сделанный в заключении, соотносящий сказку с поэтикой фольклора в целом: «В целом поэтика предметных реалий волшебной сказки по своим основным свойствам (декларативность и упрощенность), а также по основным принципам моделирования предметной реалии как таковой <...> является частным случаем общей поэтики устной словесности и архаической литературы, стремящейся к прокламативности и обобщенной формульности и функционирующей прежде всего в плоскости эмоционально-ассоциативного восприятия» (с. 200).

К положительным качествам работы можно отнести широкий фон, на котором рассматривается сказка, особенно часто при рассмотрении генезиса предметных реалий привлекается материал суверенных рассказов (быличек), магической практики, обрядов. Обширна в книге библиография.

Признавая строгость и выверенность научного доказательств (этому служат и графики), хотелось бы сделать одно замечание, касающееся базы источников. Автором исключены из исследования поздние вторичные сюжеты, а вторичные, с книжным налетом варианты принимаются к рассмотрению. Таков вариант, где царевна-лягушка прячет в рукав вилки (?) и ножи, а потом из ножа образуется канава. Он, конечно, должен быть за пределами исследования как личная фантазия сказочника или элемент лубочного текста, как и старушка-невеста (вместо царевны-лягушки). Но это частности. В целом можно только приветствовать появление добротного исследования русской волшебной сказки.

Примечания

¹ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский и др. Л., 1970.

К.Е. КОРЕПОВА,
доктор филол. наук;
Нижегородский гос. ун-т
им. Н.И. Лобачевского

Фольклор похоронно-поминальных обрядов

Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале / Сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. — Магнитогорск, 2008. — 222 с. (Сборник материалов фольклорных экспедиций Лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета (1993—2007 гг.); Вып. 3).

Цель настоящей рецензии обратить внимание фольклористического сообщества не только на очередной сборник русского фольклора, но и на деятельность научного центра, который пока еще не получил достаточно широкого освещения в отечественном научном пространстве, — на Лабораторию народной культуры Магнитогорского государственного университета (руководитель Т.И. Рожкова). Этот центр с 1990-х гг. ведет плодотворную экспедиционную работу, результаты которой нашли место в двух изданиях, вышедших в начале нового тысячелетия: «Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии» и «Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала»¹. Недавно был опубликован третий сборник экспедиционных материалов названного фольклористического центра — «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале», который и является предметом нашей рецензии.

Территорией, «подведомственной» Магнитогорскому университету, что вполне естественно, стал регион Южного Урала, освоение которого русскими проходило в XVII—XVIII вв. Позднее проникновение на данные земли, заселение их выходцами из разных регионов России, горнозаводский характер хозяйственной деятельности, явное преобладание старообрядческих настроений — все это наложило отпечаток на местную фольклорную традицию. Рецензируемое издание, раскрывающее лишь один из сегментов народной культуры, в полной мере вводит читателя в специфику регионального материала.

Сборник «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале» открывается Предисловием Т.И. Рожковой, в котором дается краткая справка о селах, в которых собраны публикуемые тексты: Кага, Верхний и Нижний Азвян, Ломовка, Тирлян, Николаевка и Кирябинка. Все они были основаны в середине XVIII в. как горнозаводские деревни. Карта, помещенная на с. 8, позволяет неподготовленному читателю сориентироваться в географическом пространстве. Сразу же отметим: учитывая, что публикуемый добротный фольклорно-этнографический материал был собран в 1993—2007 гг., поражает относительная близость обследованной

территории к Магнитогорску — крупному промышленному центру. Рецензируемый сборник в очередной раз убеждает, что полевые работы в начале XXI в., когда уже тысячу раз было сказано об отмирании классической фольклорной традиции, отнюдь не безнадежны. Материал, представленный в сборнике, весьма репрезентативен, свеж и интересен.

Издание состоит из двух больших разделов: «Ритуал и его контекст» и «Поминальные стихи в ритуале». Каждый из разделов открывается вступительной статьей. С.А. Моисеева, подготовившая первый раздел сборника, в статье «Региональный похоронный обряд: архаика и современность» обращает внимание на основные моменты местного извода похоронного обряда: «смертный узел»; обычай «прощания стариков с белым светом»; дарение курицы; ритуал «сторожить душу» и др. В соответствии с названием статьи здесь делаются попытки (и весьма небезуспешные) прочитать архаические основы зафиксированных современных ритуалов. Так, обычай обязательной остановки похоронной процессии на перекрестке или под деревом С.А. Моисеева связывает с архаическими формами «отправления на тот свет», описанными Н.Н. Велецкой, — оставлением стариков на раздорожье или в глухом лесу.

Далее в рецензируемом сборнике следуют тексты фольклорно-этнографических репортажей. Расположение текстов «по деревням» позволяет выявить узколокальную специфику похоронного ритуала в каждой из обследованных точек. В Ломовке было записано 17 репортажей (и 8 текстов причитаний), в Тирляне — 66, в Николаевке — 10 и т.д. Тексты репортажей дают возможность явственно и объемно представить акциональный и предметный планы похоронного ритуала. «Предметно-тематический указатель» (с. 200—203) ориентирует читателя в основных темах, отраженных в репортажах. Благодаря Указателю читатель легко может найти записи, в которых имеются темы предвестия смерти, прощания умирающего с белым светом, обмывания покойника, его обряжения, ночного бдения над ним, гроба, дороги на кладбище и т.д. (всего 30 тем).

В Указателе, как и в статье С.А. Моисеевой, обращают на себя внимание не тривиальные ритуалы местного похоронно-поминального обряда. Так, позиция № 25 в Указателе — «Курица/петух (жертва) в похоронном обряде» — отсылает читателя к текстам, в которых заключаются сведения о том, что, согласно обычаям обследованных сел, родственники покойного подают встречному живую курицу: «Покойник умрет — можно петушка и курочку подать: "Петушок-то вам, голосок-то нам". Подается для спасения

души, чтобы петушок выручал на том свете душу грешную» (Ломовка, № 4). Особо строго этот ритуал соблюдался, если смерть была неестественной (удавленник). Весьма интересен обычай подбрасывания родственниками покойного вязанки дров вдовой старушке (тема № 26), которая должна в обязательном порядке в этот же день протопить печь в своем жилище именно этими дровами. Считалось, что таким образом отапливался «новый дом» умершего — его могила.

Фольклорно-этнографический репортаж, как можно заметить, всё чаще в современных изданиях становится самодостаточным. Представление обрядового материала посредством текстов-репортажей в сочетании с предметно-тематическим указателем, практикуемое фольклористикой нашего времени, без сомнения, раскрывает новые возможности в осмыслении публикуемого материала. Рецензируемый сборник является примером удачного применения этого метода.

Многие фольклорно-этнографические репортажи содержат причитания (Ломовка, № 18—25; Тирлян, № 63, 65; Узян, № 11—12; Кага, № 25—34; и др.). Подчеркнем, что в фольклористике советского времени похоронный обряд всегда репрезентировался именно этим жанром. Опубликованные в рассматриваемом издании причетные тексты достаточно традиционны. Плачи, представленные во фрагментарных вариантах конца XX — начала XXI в., вряд ли могут вызвать особый интерес исследователей. Тем не менее в контексте всего сборника этот материал занимает свое, пусть и скромное, место. Однако главное место в издании занимает другой жанр — поминальные стихи.

Напомним, что на протяжении развития фольклористики приоритеты собирательской и исследовательской работы в области похоронного обряда неоднократно менялись. В знаменитом сборнике Е.В. Барсова, открывшем олонецкую плакальщицу И.А. Федосову², основное место, безусловно, занимают тексты голошений, составляющих самостоятельную художественно-эстетическую и историческую ценность. Обрядовые действия у Е.В. Барсова представлены весьма скупо. В конце XIX — начале XX в. в собирательской работе усиливается этнографический акцент, в результате чего поэтический текст причитания вписывается в обрядовый контекст. Однако в 1930—1960-е гг. описания обряда, как правило, были минимальными, если и вовсе не отсутствовали; «голый» текст стал приоритетным в науке. В конце XX столетия акцент опять сместились: теперь главное внимание уделяется предметно-акциональному плану похоронно-поминальных обрядов, а поэтический текст плача занимает в

записях второстепенное место. Это произошло не только вследствие разложения причетной традиции (зафиксировать полноценный плач в настоящее время крайне сложно), но и в результате изменившихся задач и методик собирательской работы. Как бы то ни было, при всех сменах акцентов в собирательской и исследовательской работе общая формула похоронного обряда в глазах исследователей, как правило, выглядит следующим образом: обрядовый контекст + причитания. Рецензируемое издание позволяет представить региональную похоронную традицию Южного Урала посредством другой формулы: обрядовый контекст + поминальные стихи + причитания.

Поминальные стихи, не выделяемые в общем кругу духовных стихов, в поле зрения фольклористики оказались еще в дореволюционный период, однако ритуальный контекст этого жанра очень слабо осознавался собирателями и исследователями (см. классические сборники П.А. Бессонова³ и В. Варенцова⁴). В послеоктябрьский период по понятным причинам духовные и поминальные стихи были исключены из науки. С наступившим в постсоветский период идеологическим раскрепощением положение изменилось: в настоящее время предметом собирания и аналитического осмысления является и сам текст стиха, и его роль в обрядовой и бытовой жизни народа. Рецензируемое издание наглядно демонстрирует данное положение.

Во втором разделе магнитогорского сборника — «Поминальные стихи в ритуале» — опубликовано 35 произведений этого жанра (некоторые сюжеты представлены в нескольких вариантах). Т.И. Рожкова в статье «Поминальные стихи на Южном Урале: культура исполнения, источники» отмечает, что существовал свой порядок пения поминальных стихов: одни стихи исполнялись в день смерти, другие — в момент положения во гроб, третьи были связаны с похоронным обедом и т.д. Репертуар поминальных стихов коррелирует с календарными праздниками, полом умершего, его семейным положением и нравственным обликом. Исследовательницей поставлен также вопрос о связи корпуса поминальных стихов с книжными источниками, активно издававшимися в конце XIX — начале XX в., когда в России в среде православного духовенства развернулось движение за привлечение всей паствы (а не только участников церковного хора) к пению во время богослужения.

Поминальные стихи, опубликованные в рецензируемом сборнике, были записаны изустно от современных информантов или же извлечены из рукописных тетрадок, распространенных в обследованных селах. Т.И. Рожкова

специально подчеркивает, что репертуар стихов, зафиксированных в тетрадах, шире сугубо поминального репертуара. Очевидно, что поминальная функция — это не единственная функция стихов в народной культуре. Собиратели представили в настоящем издании только те произведения, которые исполнители твердо связывают с похоронным обрядом. Опубликованные тексты сопровождаются информативными комментариями, где помимо паспортных данных указываются варианты в фольклористических⁵ и церковных⁶ изданиях.

Сборник «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале» может представлять специальный интерес не только для этнографов и фольклористов-филологов, но и для этномузыковедов. Многие тексты поминальных стихов сопровождаются нотными расшифровками, сделанными И.Е. Соловьевой и Н.О. Пинясовой.

Как мы уже сказали, магнитогорский сборник в местном похоронном обряде позволяет выделить три составляющих: акционально-предметный план, поминальные стихи и причитания. В настоящее время всё больше очевидным становится то, что поминальные стихи в той или иной мере играли свою роль и в обрядах многих регионов (Смоленский край, Нижегородские земли и т.д.). Наличие поминальных стихов скорее правило, чем исключение в различных региональных традициях. Отсутствие сведений о них в том или ином регионе, думаем, чаще всего является следствием досадных промахов в собирательской работе, а не объективным состоянием традиции.

Однако, как следует из статьи Т.И. Рожковой, названные три составляющие не исчерпывают всех сторон похоронного обряда в народной культуре. Исследовательская формула этого сегмента традиционной культуры, по-видимому, должна быть следующей: обрядовый контекст + причитания + поминальные стихи + молитвы. Исследовательница отмечает, что в обследованных селах во время похорон нанимают читальщицу (читалку) — женщину, имеющую особый статус в глазах общества и нередко получившую церковное благословение на отпевание покойников. Читальщица читает молитвы («Канун за единого умершего», Псалтирь) над покойником, а в перерывах, когда она отдыхает, все знающие поют поминальные стихи. Статус молитвы, подчеркивает Т.И. Рожкова, выше, чем статус стихов. К сожалению, из краткого содержания статьи не до конца ясен и круг молитв, звучащих в доме покойного, и их порядок, и степень варьирования обряда по сравнению с церковным, и способ оплаты услуг читальщицы, и т.д.

Все эти проблемы, как правило, остаются за пределами исследовательского внимания собирателей. Тем не менее, полагаем, данный круг вопросов может и должен интересовать специалистов по народной культуре. Это замечание, естественно, не столько касается рецензируемого сборника, сколько относится к постановке задач в собирательской области. Мы не исключаем возможности публикации (пусть в реконструированном виде, на основе свода нескольких фольклорно-этнографических репортажей) метатекста похоронного обряда, включающего последовательное описание всех действий и текстов всех жанров (причитаний, поминальных стихов, молитв и др.), сопровождающих действия участников ритуала.

Сборник «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале» производит очень хорошее впечатление и формой подачи материала, и степенью его аналитического осмысления. Это издание заставляет задуматься и над проблемами обрядовой культуры, и над собирательскими методиками, и над границами самого понятия «народная культура». Сборник свидетельствует, что на фольклористической карте России сложился и вполне зрело проявил себя еще один центр по изучению традиционной культуры — Магнитогорский государственный университет. Хочется пожелать магнитогорским коллегам долгой и успешной работы.

Примечания

¹ Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии: Сб. материалов фольклор. экспедиций Лаборатории нар. культуры Магнитогор. гос. ун-та / Сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск, 2000; Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сб. материалов фольклор. экспедиций Лаборатории нар. культуры Магнитогор. гос. ун-та / Сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск, 2003.

² Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 1. М., 1872; Т. 2. М., 1882; Т. 3. М., 1885 (ЧОИДР; Вып. 3, 4).

³ Бессонов П.А. Калеки переходные: Сб. стихов и исследование. М., 1861.

⁴ Варенцов В. Сборник песен Самарского края. СПб., 1862.

⁵ Бессонов П.А. Указ. соч.; Бучилина Е.А. Духовные стихи. Канты: Сборник духовных стихов Нижегородской области. М., 1999.

⁶ Богогласник: Сб. благоговейных песнопений праздникам Господним <...> для употребления в церковно-приходских школах Северо- и Юго-Западного края. СПб., 1903, и др.

Т.Г. ИВАНОВА, доктор филол. наук;
Ин-т русской литературы
(Пушкинский Дом)
РАН (Санкт-Петербург)

Из средневековой севернорусской ономастики

И.А. Кюршунова. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозвищ Северо-Западной Руси XV—XVI вв. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — 672 с.

Вышел в свет антропонимический словарь историко-регионального характера объемом 3 тыс. словарных единиц, выполненный на современном научно-исследовательском уровне и обобщивший историко-онимастические, лексико-диалектологические, лексикографические и историко-культурологические исследования, которые связаны с разными аспектами формирования русского собственного имени.

Этот фундаментальный труд — один из первых ономастических словарей такого типа.

Во-первых, впервые в науку введены в качестве обширной фактологической базы лингвистически не исследованные письменные источники Северо-Западной Руси (5 писцовых книг Обонежской и Водской пятины XV—XVII вв., дозорные книги Лопских погостов XVI в., множество юридических актов, в том числе грамот, челобитных, описей и пр. деловых документов, поступивших в Олонецкую приказную избу, Соловецкий монастырь, Строкину пустынь от жителей Карелии XV—XVII вв.).

Во-вторых, концепция этого историко-регионального антропонимического словаря имеет четкий и продуманный характер, с гармоничным соотношением этимологических, историко-лексикологических, историко-словообразовательных, диалектных и культурологических сведений. Она позволила оптимально структурировать словарные статьи, выстраивая уникальность каждой по логично обоснованному стандарту.

В-третьих, словарь учитывает данные не только предшествующих словарей русского языка (около 40 этимологических общих и ономастических, исторических, диалектных, словообразовательных, фразеологических), рукописных словарных картотек, финских лексикографических трудов, но и материалы русских и карельских специальных исследований лексикологов, этнографов, фольклористов. В словаре систематически приводятся языковые параллели, мнения других исследователей, библиографические справки. Глубокие познания автора в области историко-фонетических, историко-грамматических, лексико-семантических процессов позволили ему практически